

А. С. ЛЕБЕДЕВ

<Все... повествование автора... отличается... произвольностью изложения>

<Фрагменты>

Обширное сочинение г. Цветаева (782 страницы) ... представляет, по заявлению автора, «объединение» (точнее, может быть, было бы сказать — соединение) всех прежних его детальных работ по вопросу о протестантстве и протестантах в России: за исключением немногих дополнений, главным образом в главе III — о богослужении протестантском в России, и в главе VIII — о культурном служении иноземцев-протестантов в России, представляющей более обширное изложение того, что по этому предмету прежде было сказано г. Цветаевым в его статье: «Положение протестантов в России до Петра Великого» (напечатана в «Журнале Министерства народного просвещения», 1883 года, сентябрь и октябрь), а также и некоторых изменений и поправок, значение которых укажем ниже, — это, можно сказать, буквальный свод того, что в течение долгого времени, на протяжении 13 или около того лет, было печатано автором по означенному вопросу.

Совокупность сторон, с которых рассматривается автором в этом сводном труде общий вопрос о протестантстве и протестантах в России, указывается в следующем оглавлении сочинения: глава I — внешняя история протестантских общин, с их приходскими церквями и духовенством; глава II — свобода вероисповедания протестантов неслужилых и проживавших у нас временно; глава III — церковно-административный строй, богослужение и средства к просвещению; глава IV — черты быта, нравов и взаимных отношений протестантов; глава V — сношение протестантов с православно-русским населением и обрусение их под условием перекрещивания; глава VI — брачный вопрос (браки лиц протестантского вероисповедания между собою и католиков и вопрос

о смешанных браках); глава VII — протестантская пропаганда и борьба с нею; глава VIII — законная сфера деятельности и влияния протестантов в русской среде.

<...> Автор говорит о материалах, положенных в основу этих изысканий, ударяя особенно на материалы архивные и рукописные, собранные из многих архивов и библиотек, в том числе и иностранных.

Таким образом, полнота совершенно точных и строго проверенных, основанных притом на изучении первостепенных источников, фактических данных, затем такая же точность и осторожность разносторонних научных выводов и положений, — причем строгость научного метода, при котором только и возможна эта точность данных и выводов, разумеется сама собою, — таковы качества, которых располагают ожидать в труде г. Цветаева собственные заявления автора. Задача нашего разбора — показать, насколько действительность в сочинении г. Цветаева отвечает возбуждаемым ожиданиям.

Прежде всего поясним на нескольких примерах научный метод г. Цветаева, те приемы, посредством которых достигается у него «точное знание».

Все... повествование автора о вероисповедном положении русских под владычеством шведов отличается... произвольностью изложения.

<...> «Размеры лютеранской пропаганды, — продолжает автор, — вынудили московское правительство отдать (1629 года, 31-го января) новгородским воеводам наказ, чтобы они тех приезжавших из-за рубежа, которые начнут бить челом, гораздо разведывали, не пошатнулись ли эти в православной вере, твердых пускать на посадские церкви, по не в Софийскую, пошатнувшихся и приставших к лютеранской вере не пускать и в посадские церкви, “дабы нашей православной вере поругания не было”» (594). Размеры лютеранской пропаганды тут совсем ни при чем: наказ даже твердым в вере, приходившим из-за рубежа, запрещавший входить в Софийскую церковь, ясно свидетельствует не о размерах лютеранской пропаганды, а о размерах того православного отвращения к иноверию, при котором (отвращении) одно уже пребывание православного среди иноверцев считалось для него осквернением.

<...> Автор не только в самом решительном тоне говорит о нравственной распущенности протестантов, но, по-видимому, не желает признать за ними и способности быть иными: «неприглядные

в моральном отношении поступки и свойства протестантов не были у них случайностью; напротив, они на столько коренились в их натуре, что вмешательство жившего вдали герцога не могло произвести какого-либо заметного улучшения» (324). Тут автор идет уже далее древнерусских полемистов: для них немец был нечисть только по вере, а здесь он является таковым по самой природе.

<...> Автор совершенно неожиданно заключает: «официальное присутствие бояр за протестантским богослужением *каждый раз смягчало его тон*. Вместо восхвалений своего вероисповедания и враждебных выходок против православно-русского, протестанты должны были прямо или косвенно выражать свою благодарность присутствовавшим и не допускать ничего, что могло бы оскорблять религиозное чувство наших предков» (с. 220). Но когда же у немцев в их богослужении бывали эти враждебные выходки против православно-русского, кроме одного совершенно исключительного случая — ... молитвы Бера, в состав обыкновенного установленного богослужения, впрочем не входившей? А между тем у г. Цветаева эти враждебные выходки выставляются, как постоянные, которые сдерживались только официальным присутствием бояр за этим богослужением, так что если бы, например, пастор венчал Магнуса не на паперти православной церкви, где могли присутствовать и, вероятно, присутствовали бояре, а в кирхе, без их дозора, то, наверное, восхвалил бы свое протестантское вероисповедание и сделал бы какую-нибудь ругательную выходку против православно-русского; то же самое было бы при погребении Ивана Датского и даже на уличной похоронной процессии при проходах его останков в Данию, если бы и тут не было бояр; ибо враждебный тон в отношении к православно-русскому, по внутреннему убеждению автора, — обычный тон протестантского богослужения, который потому и звучал всегда в этом богослужении, если не было помехи со стороны бояр.

<...> Но в таком случае, нам кажется, незачем бы и создавать особого исследования о свойствах протестантского богослужения в России с привлечением сюда, за отсутствием целесообразного материала, совершенно несоответственных, не идущих к делу фактов. От этого исследования тем более можно было бы воздержаться, что тут едва ли есть даже и объект исследования, так как богослужение у немцев в России, нужно полагать, было такое же, как и в их немецких странах, как об этом, по нашему мнению, совершенно верно заметил г. Соколов: «богослужебные порядки

и книги (агенды) московские протестантские общины заимствовали каждая из своего Vaterland'a» (с. 27). Поэтому-то могло не быть и какого-либо *нарочитого* указателя состава и порядка служб: поэтому же, можно полагать, и иностранные писатели, присутствовавшие за протестантским богослужением в России, очень мало говорили о нем, не находя в нем ничего особенного.

Приведенные примеры, нам кажется, показывают достаточно, что научный метод г. Цветаева не отличается особенною точностью: автор ставит несоответственные цитаты, изменяет свидетельства и факты, случаи единичные обобщает, искусственно привлекает к вопросу, для освещения его в желаемом смысле, факты, к нему не относящиеся.

<...> При явной предвзятости воззрения у г. Цветаева, сказывающейся в самых способах его исторических изысканий, мы, однако же, напрасно искали бы в его сочинении той цельности или выдержанности созерцания, которая отличает строго логическое, хотя бы и от ложного начала отправляющееся мышление.

Его «разносторонние научные выводы и положения» сбивчивы, непоследовательны и «разносторонни», нередко даже до противоречивости. Автор говорит о «снисходительности православия к иноверию» (с. 8) и в то же время дает нам знать, что иноверцы, и между ними протестанты по преимуществу, считались у русских «нечистыми» и даже «погаными» (с. 587); посещение храмов ими считалось осквернением святыни (с. 332); если случалось, что они каким-нибудь образом проникали туда, их тотчас же выводили и выметали за ними пол (*ibid.*); был в употреблении даже «чин на очищение церкви, егда от неверных внидет кто», и молитва «аще кий от еретического начинания приразися укор святому жертвеннику», — чин, состоявший из молебна храму, большого освящения воды и крестообразного кропления водою церкви и алтаря (с. 334); протестанты были для русских сущие «нехристи» (с. 519), «хуже самих жидов» (с. 623), почему их (так же как и католиков, но протестантов по преимуществу) считали нужным и перекрещивать (гл. V). Все это, конечно, никак уже не свидетельствует о снисхождении к иноверию со стороны православия (с. 598). Может быть, выражение этой снисходительности автор видит в известной свободе вероисповедания, которою иноверцы пользовались в России, но это уже не от тогдашнего *фактического* (не идеального) православия, которое не хотело бы слышать и духа иноземного на святой Руси, а от правительства, которое

по известным соображениям, указанным у автора, предоставляло им эту свободу, «вопреки настроению народных масс, не в духе русской православной громады», как совершенно справедливо на этот счет замечает предшественник г. Цветаева по исследованию вопроса о протестантстве в России, автор известного сочинения: «Отношение протестантизма к России», г. Соколов (с. 29).

<...> Смутным также кажется нам суждение г. Цветаева и об отмене перекрещивания: «Когда протестантизм мало по малу утрачивал свою завлекающую живучесть и для борьбы с ним и католицизмом выросло на востоке другое, кроме религии, орудие — образование; когда ослаблялось взаимное недоверие, одинаково сильное* с русской и иностранной сторон, и у нас прямее обратились к западно-европейской культуре и осложнялись элементы быта: русская церковь, в согласии с греческими иерархами, отменила прежнюю временную меру о перекрещивании христианских иноверцев, обращавшихся в православие, и установила принимать католиков, затем и протестантов чрез одно миропомазание» (с. 511). «Протестантизм мало-помалу утрачивал свою завлекающую живучесть», конечно, для русских, так как о положении протестантизма в России и идет собственно речь у г. Цветаева. Таким образом, выходит, что протестантизм с самого начала явил у нас какую-то «завлекательную живучесть», которой и нужно было противопоставить перекрещивание как меру, которая должна была внушать православным отвращение от протестантизма; а затем, когда протестантизм потерял «эту завлекательную живучесть», да к тому же еще стало вырастать на Востоке (у турецких греков или на православной Руси, или и там, и здесь, у автора не ясно) для борьбы с ним образование, следовательно, он не был уже для православных так опасен, — тогда произошла отмена этой «временной меры». Но в то время, когда состоялось соборное постановление о перекрещивании, протестантизм, как это было уже замечено нами и как не будет, конечно, отвергать того и автор, ни для кого на Руси не был какою-либо завлекающей силой, а скорее наоборот, и без того был уже предметом глубокого отвращения для православных. И если бы дело было и так, как представляет его автор, то каким образом, по мере утраты протестан-

* Далеко не *одинаково сильное*. Тогда как православные боялись протестантов, как чумы, последние не прочь были и беседовать с русскими о предметах религиозных, и ходить в православные церкви.

стантизмом этой «завлекающей живучести», могло ослабляться недоверие к нему?

Обыкновенно увлечение кем-нибудь или чем-нибудь и доверие к этому кому-нибудь или чему-нибудь идут в параллельном, а не в противоположном направлениях. Так действительно и было с протестантизмом на Руси. Встреченный с самого начала крайним недоверием, протестантизм не «утрачивал у нас мало-помалу увлекающий живучести», а, напротив, побеждая это первоначально бывшее против него предубеждение, мало-помалу приобретал влияние и становился наконец для некоторых, по крайней мере, действительно «завлекающей» силой на Руси (ко времени Петра). И вот в это-то самое время, когда в противовес действительно начинавшемуся у нас увлечению протестантизмом следовало бы, с точки зрения автора, особенно усилить и, так сказать, ожесточить эту «временную меру», — она совсем отменяется. Отменяется не потому, что прошло время, для которого она была пригодна, а потому, что пришло время, когда в принципе признали ее ошибочною, когда радикально изменился самый взгляд на значение протестантского крещения. Этому, несомненно, много помогло и помянутое автором образование, только не то, которое выросло для борьбы с ним (такое образование, считавшее протестантов «нехристями», обзывавшее их псами, свиньями, предтечами антихриста, уже прежде у нас было в значительной силе, но оно-то и установило крещение уже крещенных), а то новое образование, которое выросло для более спокойного, более гуманного, скажем — более сообразного с духом христианства, отношения к протестантству и вообще иноверию...

<...> Г. Цветаев считает весьма важным, по своим размерам и последствиям, влияние протестантства на православных русских, «шедшее, в силу своеобразности протестантов, которая то увлекала, то соблазняла православных, в силу сходства некоторых явлений нашей жизни с такими же явлениями на Западе и под действием заносчивого взгляда протестантов на православно-русское и заимствования нами некоторых культурных начал» (с. 515–516). Кого и как своеобразность протестантов увлекала и соблазняла, указаний на этот счет в книге г. Цветаева не имеется, и вообще конкретных примеров увлечения русских лютеранством за описываемое автором время, за исключением трех «умоповрежденных»: священника Нижегородского девичьего монастыря Ивана (с. 597), московского жителя Федора Шиловцева и новгородца

Ивашки Клеопика (с. 679), да еще новгородца Ивана Козырева, «лютерствовавшего в себе только, со иными же о том мало или ничего разглагольствовавшего» (с. 676), — не приводится. А какое отталкивающее действие могла производить и производила на русских эта самая протестантская своеобразность, об этом выразительно свидетельствует сам автор, говоря: «Наблюдая образ жизни протестантов, русские люди видели, что они живут не по православному, не по христианскому, у них недостает освящающей жизнь церковной обрядности, да и существующие обряды совершаются иначе, чем у православных, а потому не правильны. Без правильного обряда, рассуждали наши предки, не может быть и таинство, и у протестантов, следовательно, нет ни крещения, ни евхаристии, ни преемственной иерархии и т. д. Не исполняя уставов церкви, они-де не имеют деятельной веры; отвергая предание, правила вселенских соборов и учителей церкви, не понимают Священного Писания, не знают истинной веры, самовольно ходят по влечению своих прихотей. Что же они за христиане? Они не достойны этого названия, они сущие «нехристи» (с. 519). Еще менее мог привлекать православных к лютеранству заносчивый взгляд протестантов на православно-русское. Заносчивость вообще не обладает привлекающей силой, а имеет скорее обратное действие. И сам автор опять и здесь приводит нам весьма внушительные примеры того, как не то, что заносчивый взгляд на православно-русское, а просто открытое высказывание протестантами их убеждений, несогласных с верованиями православных, глубоко возмущало религиозное чувство русских и вызывало против проповедников протестантизма сильнейшее негодование.

<...> Заимствование г. Цветаевым суждений из разных источников, само собою понятно, не могло быть, как это можно видеть из приведенных примеров, благоприятным для цельности его представлений. Но в большинстве случаев, однако же, справедливость требует сказать, г. Цветаев и не смешивает источников, а предпочитает черпать из одного. Этим именно источником служит для него, как ни неожиданно это, так жестко критикуемый им г. Соколов, которому и обязан г. Цветаев немалою частью «разносторонних научных выводов и положений», в том числе и таких, которые, при более критическом отношении к источнику, несомненно требовали бы исправления. <...>

Наконец, укажем на согласие г. Цветаева с Соколовым... по самому главному вопросу, который, как склонен думать г. Цветаев, впер-

вые им только и поставлен на строго научную почву (см. брошюру г. Цветаева: «По поводу статьи профессора Д. И. Багалея», 1891 г., с. 27), — вопросу о культурной роли иноземцев-протестантов в России. <...> Нетрудно видеть, что во взгляде на культурное служение немцев в России г. Цветаев идет по следам г. Соколова. Конечно, круг этого служения взят у г. Цветаева и очерчен несравненно шире: г. Цветаев обстоятельно указывает влияние иноземной культуры и на таких сторонах русской жизни, которых вовсе не касается Соколов, и в этом несомненное преимущество г. Цветаева; но, в общем, самое значение и результаты просветительной деятельности иноземцев для России г. Цветаев оценивает совершенно согласно с г. Соколовым. Разница только во взглядах того и другого на отношение самих иноземцев к русским. <...> Но это уже другой вопрос, своеобразное решение которого г. Цветаевым несколько не мешает ему в оценке культурной деятельности иноземцев в России (насколько он может мыслить ее при таком отрицательном условии — совершенном нежелании иноземцев содействовать просвещению русских) сходиться... с г. Соколовым.

<...> Значение книги г. Цветаева, по нашему мнению, не в «разносторонних научных выводах и положениях», вообще у нашего автора, как мы видели, мало самостоятельных, да к тому же еще в иных случаях и недостаточно определенных, сбивчивых и противоречивых, а в обилии материала, отовсюду трудолюбиво им собранного, частью им самим и открытого. Эта сторона работы г. Цветаева уже отмечена и оценена критикой. Мы, с своей стороны, находим возможным сделать на этот счет лишь несколько ограничительных замечаний, и прежде всего относительно того материала, которому сам автор дает наибольшее значение, то есть материала, им самим открытого. Г. Цветаев, несомненно, много работал в архивах и извлек из них массу материала; однако же не следует преувеличивать количества и значения сделанных им открытий.

<...> Вводя в границы значение материала, самим г. Цветаевым открытого, общий свод материала по рассматриваемому вопросу, как того, который уже прежде был известен, так и того, который теперь только впервые сообщается автором, во всяком случае, нужно признать очень почтенной стороною труда г. Цветаева. И этот свод можно было бы назвать вполне ценным, если бы только, во-первых, материал был критичнее проверен, прямее говоря — вернее был передаваем, не так, как, например, он передается

в повествовании о поселении немцев в Наливках, о положении русских под шведским владычеством или в «поэтическом» описании Христианобургской храмины. Конечно, не везде материал передается таким образом, — иначе, само собою понятно, не могло бы быть и речи о его положительном значении; но достаточно и нескольких примеров до такой степени неточной передачи, чтобы вообще к «точным» данным книги г. Цветаева относиться с некоторою осторожностью. Во-вторых, если бы материал, относящийся к предмету, не был так загроможден множеством излишних, совершенно не идущих к делу подробностей. Это количество подробностей, так верно и метко указанное профессором Кареевым в сочинении г. Цветаева: «Из истории иностранных исповеданий в России в XVI и XVII веках» (в рецензии на это сочинение, написанной по поручению Императорской Академии наук), прямо бьет в глаза и в настоящем труде г. Цветаева. Представляя не «объединение» (обещанное автором), а простое соединение всех прежних детальных работ, труд этот, естественно, воспроизводит и всю эту массу заключающихся в них документальных подробностей, которые между тем здесь, в работе «объединительного» характера, являются уже просто неуместными. Это — действительно бьющий в глаза недостаток сочинения г. Цветаева: его отметил и профессор Багалеи в своей рецензии (Исторический вестник, 1890 г., ноябрь).

